

Приложеніе къ *Тобольскимъ Епархіальнымъ Вѣдомостямъ.*

ШКОЛЬНЫЙ ЛИСТОКЪ

при *Тобольскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ* 1903 г.

№ 18.

Воспитательный элементъ въ церковно-приходскихъ школахъ *).

М. Г. Если бы пришлось къ каждому изъ Васъ порознь обратиться съ вопросомъ о томъ, что за цѣль всей Вашей дѣятельности, что за смыслъ ея, къ чему Вы стремитесь, работая изъ года въ годъ, при самыхъ часто тяжелыхъ условіяхъ, — я думаю, что пришлось бы получить самые разнообразныя отвѣты, едва ли бы касавшіеся существа дѣла. Обычный отвѣтъ на этотъ вопросъ, что благодаря этому труду человѣкъ получаетъ кусокъ хлѣба, обезпечиваетъ этимъ существованіе свое, своихъ родныхъ, семьи, — отвѣтъ не прямой и существа дѣла не касается. Онъ касается только того, что внѣшнимъ образомъ связано съ дѣломъ обученія дѣтей. А между тѣмъ вопросъ о цѣли той или иной дѣятельности, о смыслѣ ея — одинъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ, на которые такъ или иначе долженъ отвѣтить каждый, если онъ сознательно относится къ своему дѣлу, своимъ обязанностямъ, своему долгу. Вопросы — что, почему и зачѣмъ, которыми такъ часто надѣлаютъ намъ, взрослымъ, дѣти, если съ теченіемъ времени поднимаются въ насъ все рѣже и рѣже, то это зависитъ или отъ первоначальной неудачи въ полученіи отвѣтовъ на нихъ отъ старшихъ, или отъ постепеннаго потуханія въ насъ самихъ подъ вліяніемъ житейскихъ заботъ и тревоженій вполне естественной живой любознательности и пытливости. Только машина механически, безотчетно исполняетъ ту или иную работу, и надо крайне низко упасть въ умственномъ отношеніи, чтобы въ своей дѣятельности стать похожимъ на машину. Вопросъ — зачѣмъ я это дѣлаю — такъ же естествененъ въ человѣкѣ, какъ интеллигентномъ существѣ, какъ и вопросъ — что это, т. е. что за вещь предметъ, который мы видимъ предъ своими глазами. Въ связи съ

*) Изъ чтеній на кратко-срочныхъ курсахъ учащихся въ церковныхъ школахъ Тобольской епархіи 1903 г.

этимъ стоитъ обычное явленіе, что человекъ не разъ мѣняетъ родъ своихъ занятій, не находя все себѣ подходящаго дѣла. Въ дѣлѣ, за которое онъ берется, онъ, очевидно, не находитъ смысла и оно его тяготитъ. Помимо этого, сознательность при исполненіи той или иной работы значительно облегчаетъ ее, дѣлаетъ трудъ не только легкимъ, но и приятнымъ. Дитя занято игрою въ кубики. Его богатое воображеніе позволяетъ видѣть ему въ самыхъ неуклюжихъ постройкахъ изъ кубиковъ и домъ, и конюшню, и сарай и т. д. Оно съ увлеченіемъ играетъ, потому что ему ясна цѣль этой игры, оно сознательно творитъ въ эту минуту. Но вотъ взрослый вмѣшивается въ игру, беретъ кубики и начинаетъ ихъ правильно складывать и побуждаетъ ребенка видѣть въ этихъ новыхъ постройкахъ тоже домики, холодныя пристройки, дворцы. Дитя вяло слѣдитъ за нимъ, потому что весь процессъ складыванія кубиковъ имъ не осмысленъ, его самостоятельное творчество не имѣетъ той свободы приложенія, какая была предоставлена ему, когда онъ самъ складывалъ кубики. Сравните ребенка, читающаго интересную книгу, съ ребенкомъ, готовящимъ скучнѣйшій урокъ: сильное желаніе скорѣе достигнуть своей цѣли—узнать развязку интересной повѣсти или рассказа—заставитъ его просидѣть ночь на пролетъ и онъ не почувствуетъ усталости; тогда какъ автоматическое, бессмысленное задалбливаніе нѣсколькихъ строкъ способно довести ребенка до отчаянія. Одинъ изъ педагогическихъ приѣмовъ побудитъ ребенка къ выполненію той или другой работы—осмыслить ее, указать ребенку на ясную и притомъ заманчивую съ его точки зрѣнія цѣль, ради которой онъ можетъ одолѣть и одолѣетъ свою работу. Еще замѣтнѣе это значеніе сознательности при исполненіи той или иной работы, какъ условія легкости и успѣшности выполненія ея,—у взрослыхъ. Подъ вліяніемъ сильнаго горя или неожиданной радости Вы даете обѣтъ сходить въ монастырь на поклоненіе святыни. Дальность разстоянія, зной и пыль, матеріальные расходы и проч. для Васъ окажутся совершенно незамѣтными, такъ какъ вся Ваша душа, все Ваше существо поглощено однимъ, предъ Вами ясна одна цѣль—исполнить добровольный свой обѣтъ, излить свою душу предъ небеснымъ покровителемъ. Развѣ не высокая, ясная цѣль предносилась взору того или другого христіанскаго подвижника, когда онъ переносилъ тягчайшія лишенія, предавался труднымъ аскетическимъ подвигамъ и проч.? А сколько примѣровъ можно привести научной настойчивости ради достиженія какой либо опредѣленной научной цѣли. Еще яснѣе дѣло станетъ, если мы обратимъ вниманіе на болѣе низменные и потому обычныя побужденія человѣческой дѣятельности. Человекъ всѣмъ готовъ пожертвовать, чтобы только удовлетворить своей преобладающей страсти. Я не остановился еще на одной сторонѣ сознательной дѣя-

тельности, дѣятельности цѣлесообразной, осмысленной. Она является критеріемъ, средствомъ оцѣнить успѣхъ нашей дѣятельности. Когда пѣшеходъ вдали видитъ верстовой столбъ, деревушку, знаетъ разстояніе, которое осталось ему пройти, сообразно съ этимъ онъ тратитъ свои силы, чтобы успѣшнѣе окончить путь. Сравните съ его состояніемъ состояніе челоуѣка, заблудившагося, застигнутаго въ дорогѣ буряномъ, когда онъ, полный отчаянія, плетется впередъ и почти у самаго жилья падаетъ усталый, измученный, полузамерзшій. То, насколько ко я приблизился къ цѣли, показываетъ, вѣрно ли я иду, или сбился съ пути. Я вышелъ изъ дому съ вѣрнымъ расчетомъ быть на мѣстѣ черезъ три часа и если я по истеченіи трехъ часовъ не попалъ на мѣсто своего назначенія, значитъ, я сбился съ пути. Тоже и во всякомъ другомъ дѣлѣ. Разъ я не достигаю цѣли, значитъ—средства, которыми я располагаю, должны быть употреблены иныя. Все это говоритъ за то, что, приступая къ какому либо дѣлу, необходимо ясно представить себѣ конечную цѣль, то, чего Вы всѣми силами будете добиваться въ своемъ дѣлѣ. И чѣмъ важнѣе, чѣмъ серьезнѣе дѣло, тѣмъ оно отвѣтственнѣе и тѣмъ сознательнѣе въ нему необходимо отнестись.

Я не ошибусь, если къ числу дѣлъ и обязанностей, налагающихъ большую отвѣтственность на тѣхъ, кто взялся за ихъ выполненіе, отнесу и дѣло учителя церковно-приходской школы. Если кто можетъ смѣло сказать, что онъ дѣло дѣлаетъ, а не переливаетъ изъ пустого въ порожнее, если кто съ извѣстнаго рода гордостію можетъ сказать, что онъ ѣсть кусокъ хлѣба, заработанный честнымъ трудомъ,—такъ это школьный учитель. Уже потому одному его положеніе высоко, что онъ силовъ и рядомъ единственное интеллигентное лицо въ деревнѣ (я не говорю про села, а тѣмъ болѣе про города, гдѣ мы встрѣтимъ много лицъ, которыя съ правомъ или безъ права присваиваютъ себѣ званіе интеллигента), живущее высшими интересами, служащее духу челоуѣка, разбрасывающее сѣмена чистаго и святаго знанія. Черезъ его руки проходитъ подростяющее поколѣніе и на каждомъ изъ представителей его онъ можетъ положить свою печать, печать своей интеллигентности и нравственной порядочности. Его школа для деревенскихъ дѣтей—и школа, и гимназія, и университетъ. Его труды надъ этимъ драгоценнымъ матеріаломъ—часто труды перваго и послѣдняго челоуѣка, отдавшаго свои силы, свои знанія на его совершенствованіе. Съ этой стороны особенно выясняется вся важность и серьезность дѣла учителя, какъ общественнаго дѣятеля. Онъ нуженъ не только дѣтямъ, но и взрослымъ. Къ кому за тѣмъ или инымъ совѣтомъ, съ недоумѣніемъ силовъ и рядомъ обращается простой народъ, какъ не къ учителю? Толковый, развитой, знающій свое дѣло, интересующійся и мно-

гимъ другимъ, внимательный въ окружающей его средѣ, онъ и юристъ, и докторъ, и ветеринаръ, и агрономъ и проч. и проч.

Да, приступая къ этому дѣлу святому и высокому, нужно ясно представить себѣ весь смыслъ его и все его значеніе. Нужно выяснитъ не только то, что придется дѣлать, но и зачѣмъ. Въ концѣ нужно поставить нѣчто определенное, къ которому и стремиться. При отсутствіи осмысленности въ дѣлѣ могутъ произойти двѣ крупныя ошибки: или механичность, безсознательность въ работѣ, или разбросанность въ разныя стороны. Въ первомъ случаѣ учитель рискуетъ свести все свое дѣло къ простому прохожденію отсель и досель, къ отбыванію своей повинности, крайне съюзивши свое дѣло. Онъ похожъ въ этомъ случаѣ на человѣка, которому безразлично куда бы не идти, лишь бы идти. Во второмъ—въ погонѣ одновременно за цѣлымъ рядомъ цѣлей учитель рискуетъ упустить изъ виду главное, въ чемъ заключается все его призваніе, и въ данномъ случаѣ онъ былъ бы похожъ на человѣка, вышедшаго съ определенной цѣлью изъ дому, по дорогѣ отвлекшемуся въ сторону и позабывшему о первоначальной и, быть можетъ, очень важной цѣли. Было бы нѣсколько странно, если учитель въ своемъ увлеченіи напр. сельско-хозяйственнымъ дѣломъ, которое для него является все же побочнымъ, все свое время, всѣ свои силы отдалъ на распространеніе этихъ знаній въ народѣ, забывши и свою школу и малыхъ своихъ учениковъ. Я взялъ лучшей изъ возможныхъ случаевъ, но можно бы привести и болѣе печальные случаи увлеченія въ сторону отъ своего прямого дѣла.

Въ предстоящихъ нашихъ бесѣдахъ мнѣ и хотѣлось бы совмѣстно съ Вами разобратъ въ этомъ важномъ для Васъ вопросѣ и выяснитъ съ возможною для меня обстоятельностью, что же составляетъ главное въ Вашей дѣятельности, такъ сказать душу ея? И это тѣмъ необходимѣе, что какъ Вы сами дадите самые разнообразные отвѣты на поставленный вопросъ, такъ и встрѣтите и въ частныхъ бесѣдахъ, и въ литературѣ самые разнообразные отвѣты.

Что же Вы въ самомъ дѣлѣ такое, какія требованія могутъ быть предъявлены къ Вамъ обществомъ и отъ какихъ требованій Вы могли бы отказаться, какъ отъ требованій, предъявляемыхъ къ Вамъ по ошибкѣ? Что Вы должны поставить какъ цѣль конечную, которая должна осмыслить Вашъ трудъ, сдѣлать его изъ механическаго сознательнымъ, а потому и болѣе производительнымъ?

Въ кругу знакомыхъ Вамъ лицъ, интересующихся дѣломъ, дорогимъ для Васъ, равно и въ педагогической литературѣ Вы можете встрѣтить два совершенно противоположные отвѣта. Дѣло учителя—учить дѣтей, т. е. дать имъ тѣ или иныя знанія, говорятъ одни. Нѣтъ, возражаютъ другіе, его дѣло значительно шире; его дѣло не только

учить, но и воспитать дѣтей, т. е. дать прочную основу нравственно-му поведенію, развить въ немъ волю, характеръ, стремленіе къ добру, сознание долга и пр. и пр. Если одни стоятъ за знанія, другіе — за основы практической дѣятельности: ученика нужно научить необходимымъ знаніямъ, ученика нужно воспитать въ нравственныхъ и полезныхъ навыкахъ, которые бы навсегда сдѣлали его добрымъ христіаниномъ и честнымъ гражданиномъ. Остановимся повнимательнѣе на первомъ взглядѣ.

Свящ. Д. Матвѣевъ.

(Продолженіе будетъ).

Воспитательный элементъ въ церковно-приходскихъ школахъ *).

„Учатся затѣмъ, говоритъ одинъ изъ видныхъ представителей перваго взгляда, чтобы усвоить себѣ знаніе болѣе свѣдущихъ, сравняться съ ними. Какъ скоро ученикъ сравнялся съ учителемъ въ знаніяхъ, цѣль достигнута и ученье прекращается. Хорошее или дурное образованіе всегда и вездѣ во всемъ родѣ человѣческомъ опредѣляется только тѣмъ, медленно или скоро достигается полное равенство между учащимъ и учащимися: чѣмъ медленнѣе, тѣмъ хуже, — чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Всѣ воспитательныя задачи должны быть устранены изъ школы и образованія, потому что воспитаніе какъ умышенное формированіе людей по извѣстнымъ образцамъ не плодотворно, незаконно и невозможно; правъ на воспитаніе, правъ одного человѣка или небольшого собранія людей дѣлать изъ другихъ то, что имъ хочется, не существуетъ. Воспитаніе есть насиліе, его основаніе — произволь; образованіе же свободно и разумно. Полное равенство знаній между образующимъ и образующимся — вотъ чѣмъ по существу исчерпывается образованіе“. (Л. Н. Толстой 10, 185—190).

И такъ, учи ученика, давай ему нужныя и полезныя въ жизни свѣдѣнія, но никогда не руководи его поступками, предоставь въ этомъ отношеніи его ему самому. Эта свобода понимается въ широкомъ

*) См. Шк. Л. № 18 за тек. г.

смыслѣ и распространяется даже на кругъ тѣхъ знаній, которыя предлагаются ребенку. И въ этомъ отношеніи онъ полный хозяинъ: захочетъ—учить, не захочетъ—не учить, учить то, что нравится ему, интересуется его. Въ школѣ должна царить полная свобода: ученикъ когда хочетъ, выйдетъ изъ класса; онъ можетъ перебить учителя вопросомъ совсѣмъ изъ другой области во время урока и проч. Ученикамъ предлагается не цѣльная система знаній по заранѣ выработанной программѣ, а какія придется: есть хорошій учитель Закона Божія, онъ преподаетъ Законъ Божій; есть хорошій учитель зоологіи, топографіи и проч., онъ преподаетъ ученикамъ свои знанія. Главное, чтобы знанія отвѣчали нуждамъ народа. Какъ странно было бы въ лавкѣ деревенскаго торговца найти хирургическія принадлежности, такъ странно было бы въ школѣ встрѣтить преподаваніе испанскаго языка, астрономіи и проч. Не менѣе странно было бы, если бы въ лавкѣ вамъ подъ тѣмъ условіемъ отпустили бы 10 ф. дегтя, если бы вы одновременно съ этимъ купили бы флаконъ духовъ или модную шляпку, такъ и въ школѣ, когда изученіе необходимыхъ знаній перемѣшано съ обязательнымъ изученіемъ знаній ненужныхъ, лишнихъ.

Я думаю, что никто изъ насъ не станетъ спорить, что наученіе дѣтей, т. е. сообщеніе имъ нужныхъ знаній—одна изъ главныхъ цѣлей, преслѣдуемыхъ учителемъ. Никто не станетъ спорить и противъ того, что дѣтямъ необходимо сообщать только нужныя свѣдѣнія, а не начинять ихъ головы ненужнымъ балластомъ. Все это вѣрно и вмѣстѣ съ тѣмъ крайне односторонне. Въ основѣ этого взгляда лежитъ недоразумѣніе. Странно раздѣлять нераздѣлимое, какимъ въ данномъ случаѣ является воспитаніе и ученіе. Эти два дѣла такъ тѣсно соединены, такъ тѣсно взаимно переплетаются, что если бы и можно было отдѣлить одно отъ другого, то эту операцію можно было бы произвести не иначе, какъ насильственно.

Было бы насиліемъ надъ дѣтскою природою сказать ребенку: въ этомъ предметѣ восприми только форму, а въ другомъ—цвѣтъ. Невольно и неизбежно на ряду съ формою мы воспринимаемъ и другія свойства предмета. Глядя на дерево широколѣтвистое, мы воспринимаемъ и цвѣтъ его коры, и цвѣтъ листьевъ и проч. Глядя на красный цвѣтокъ, мы одновременно воспринимаемъ и форму этого цвѣтка, форму чашечки его, его листьевъ, стебелька. Тоже въ отношеніи ученія и воспитанія. Каждое ученіе, наученіе чему бы то ни было есть вмѣстѣ и воспитаніе ребенка, такъ какъ почти всякое знаніе опредѣляетъ наше отношеніе или къ Богу, или къ природѣ, или къ окружающимъ насъ людямъ, будитъ въ насъ извѣстныя чувствованія, влечетъ къ тѣмъ или другимъ дѣйствіямъ. Знанія сами по себѣ воспитываютъ человѣка, вліяютъ на его рѣшимость, на его дѣйствія, хотѣнія. Особенно это

нужно сказать о некоторых предметах, каковы Законъ Божій, исторія церкви, отечественная исторія, чтеніе беллетристическихъ произведеній.

Помимо этой естественной, невольной связи между обученіемъ и воспитаніемъ, въ интересахъ перваго, т. е. обученія, необходимо бываетъ прибѣгать къ тѣмъ или другимъ приемамъ воспитательнаго характера. Какъ можно ожидать добрыхъ результатовъ отъ обученія, если вы параллельно этому не будете развивать навыковъ къ труду, сознанія идеи долга, не вложите подвижной, неустойчивый дѣтскій темпераментъ въ тѣ или иныя рамки. Отсутствіе дисциплины въ классѣ, полная свобода въ занятіяхъ тѣмъ, чѣмъ желаетъ заниматься ребенокъ, только тогда возможны, когда при каждомъ изъ дѣтей будетъ отдѣльный учитель, имѣющій дѣло исключительно съ нимъ однимъ. Вы занимаетесь съ классомъ урокомъ ариѳметики и вдругъ неожиданно для всѣхъ васъ перебиваетъ кто либо изъ вашихъ учениковъ вопросомъ о томъ, какъ зовутъ вотъ этотъ цвѣтокъ, или вопросомъ о томъ, отчего происходитъ то или другое явленіе природы. Вы оставляете ваше дѣло и отвѣчаете на предложенный вопросъ, а въ это время съ другой стороны вамъ снова задаютъ новые вопросы и т. д. Вашъ урокъ пропалъ. И если вообще всегда вы поведете такъ дѣло, толку отъ этого будетъ мало. Необходимъ извѣстный порядокъ и привычка къ нему со стороны учениковъ. Свобода для того, кто еще не научился управлять своими дѣйствіями разумно, не свобода, а произволь и она поведетъ къ тому, что изъ ребенка вырабатывается человекъ не уравновѣшенный, разбрасывающійся въ разныя стороны, неспособный къ систематическому труду, человекъ-рабъ своихъ первыхъ появившихся желаній, страстей. Нѣтъ, на первыхъ же порахъ необходимо ребенка приучать къ порядку, къ аккуратности въ каждомъ дѣлѣ, требовать серьезнаго отношенія къ дѣлу. Скажутъ, что тогда урокъ обратится въ нѣчто безжизненное, сухое, формальное, что это насиліе надъ дѣтскою природою. Но живость урока достигается не распущенностію класса, не предоставленіемъ дѣтямъ полной свободы, а живостью изложенія предмета, интересомъ той или иной темы. Самое введеніе дисциплины, порядка въ классѣ можетъ быть сдѣлано такъ естественно, такъ незамѣтно, что подчиненіе ей дѣтей не будетъ послѣднимъ въ тягость. Но этого мало. *Воспитаніе имѣетъ не только подчиненное, вспомогательное значеніе при обученіи. Оно имѣетъ значеніе совершенно самостоятельное.* Задача учителя была бы далеко не исчерпана, если бы онъ выпустилъ изъ школы ребенка съ богатымъ запасомъ разнообразныхъ знаній. Умъ самъ по себѣ, а нравственный характеръ самъ по себѣ. Для общества въ настоящее время не такъ нуженъ умный человекъ, сколько честный, порядочный. Силошь и рядомъ богатый

умъ, высоко развитый, идетъ въ разрѣзъ съ нравственными требованіями и не только идетъ въ разрѣзъ съ этими требованіями, но и помогаетъ ихъ нарушить—выйти безнаказаннымъ. Наши газеты переполнены сообщеніями о всякаго рода преступленіяхъ и значительный процентъ ихъ падаетъ на долю людей интеллигентныхъ. Отчего это зависитъ? Думается, главнымъ образомъ отъ односторонности развитія человѣческой личности, надъ которою, какъ надъ личностью нравственною, мало работали и родители и воспитатели.—Вотъ это-то именно обстоятельство—разладъ между умомъ и нравственною чистоплотностію заставляетъ опредѣлить воспитаніе ребенка какъ вторую и не менѣе важную задачу дѣятельности учителя. Другой вопросъ, что нужно разумѣть подъ воспитаніемъ, какъ опредѣленною цѣлью дѣятельности учителя. Къ этому мы перейдемъ вскорѣ. Но главное именно то, что на ряду съ обученіемъ, какъ совершенно равное и самостоятельное, должно быть поставлено воспитаніе ребенка, въ широкомъ смыслѣ понимаемое, какъ наученіе правильно дѣйствовать, нравственно жить.

Къ сожалѣнію, воспитательная сторона обученія обыкновенно совсѣмъ опускается изъ вида. Гонятся за исполненіемъ программы къ сроку, за блестящими экзаменами, требуютъ знанія положеннаго, а тамъ—хоть трава не расти. Учитель спѣшитъ спросить учащихся, задать урокъ и поскорѣе перейти къ другому. Всякіе вопросы недоумѣнія признаются неумѣстными и только раздражаютъ учителя. Отсюда становится понятною рознь между этими двумя процессами, стремящимися къ одной цѣли и непрерывно соприкасающимися—поддерживающими другъ друга—умственнымъ образованіемъ и воспитаніемъ. Умственное образованіе само де по себѣ, а нравственное такъ же само по себѣ; а въ концѣ концовъ при искусственномъ разъединеніи этихъ двухъ близнецовъ не получается ни того, ни другого, а одна выучка нѣкоторымъ совершенно разрозненнымъ и обособленнымъ знаніямъ. Если же не разрушать естественной связи между умственнымъ и нравственнымъ образованіемъ, если не гнаться за наполненіемъ только головы ученика нужными свѣдѣніями и дать возможность знаніямъ, систематически изложеннымъ и правильно преподааннымъ, оказать свое благотворное дѣйствіе на всю природу развивающагося чловѣка, то вліяніе ихъ будетъ велико и благотворно, не изгладится на всю жизнь: школа, школьное образованіе останется свѣточемъ на всю жизнь, освѣщающимъ пути чловѣку въ его практической дѣятельности, въ лабиринтѣ и путаницѣ повседневныхъ мелочей и дразгъ.

Подводя итоги всему вышесказанному, мы должны придти къ выводу, что *цель*, въ которой долженъ въ своей дѣятельности стремиться учитель,—*двокая*: это—сообщить ученику тѣ или иные знанія и

научить его дѣйствовать правильно, воспитать его въ добрыхъ навыкахъ. Нѣсколько подробнѣе остановимся на первомъ, на вопросѣ объ обученіи ученика и характерѣ этого обученія. Все ли равно, какимъ бы мы матеріаломъ не начинали голову ученика, или здѣсь не только можно, но и должно дѣлать выборъ между предметами? Этотъ вопросъ можетъ быть рѣшенъ въ опредѣленномъ смыслѣ, если мы рассмотримъ повнимательнѣе, что такое начальная школа. Это — начальная школа. Начальная она и потому, что даетъ начальныя знанія, безъ которыхъ немислимо дальнѣйшее пріобрѣтеніе другихъ знаній: она учитъ читать, писать, считать, т. е. тому, безъ чего наше дальнѣйшее образование не могло бы двинуться ни на шагъ. Но я думаю, не будетъ игрою словъ назвать ее начальною и въ иномъ, болѣе высокомъ смыслѣ. Составъ этой школы — крестьянскія дѣти; курсъ этой школы для нихъ — полный и законченный курсъ всякаго ученія. На долю немногихъ изъ нихъ выпадетъ счастливая случайность продолжить свое образование въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ. Большинство возвратится въ деревню, къ своимъ родителямъ, своему дому, своему тяжелому труду. Съ этой стороны далеко не безразлично, что входитъ въ курсъ, въ программу этой школы, такъ какъ она должна быть чѣмъ то цѣлымъ, строго опредѣленнымъ: она начальная, потому что полагаетъ начало правильному мышленію, правильному отношенію къ Богу, природѣ и людямъ, полагаетъ въ душу воспитанника тѣ прочныя сѣмена, начала вѣры и нравственности, которыя навсегда должны остаться въ ней. И тѣмъ выше стоитъ школа, чѣмъ прочнѣе всѣваетъ она эти сѣмена въ души своихъ питомцевъ. Насколько это возможно для нея, она должна дать цѣльное міросозерцаніе своему питомцу. Тогда понятно, что то, что способствуетъ именно этому — закрѣпленію началъ вѣры и нравственности, началъ здраваго разумѣнія — должно занять въ ней главное мѣсто, а все остальное — второстепенное, побочное. Это съ особенною настойчивостью приходится утверждать, потому что не разъ приходится опять таки и въ разговорахъ, и въ печати встрѣчать нѣчто иное, именно, что школа прежде всего и главнымъ образомъ должна способствовать улучшенію матеріальнаго благосостоянія народонаселенія и поэтому въ курсъ ея, какъ главные предметы, должны входить науки, имѣющія прямое отношеніе къ сельскому хозяйству. Кто говоритъ противъ того, что наша деревня бѣдна и убога, что мы продолжаемъ вести хозяйство самымъ первобытнымъ способомъ, что у насъ вовсе не развиты промыслы и т. д. Все это вѣрно. Вѣрно и то, что школа своею второстепенною задачею ставитъ и это — сообщеніе дѣтямъ нужныхъ и полезныхъ въ ихъ обиходѣ, какъ будущихъ хозяевъ, свѣдѣній. Но главное господствующее значеніе всетаки остается за предметами такъ называемаго общаго, гуманитарнаго характера. Здѣсь на первый планъ

выстѹпаетъ Законъ Божій, отечественная исторія, наша литература въ лучшихъ ея произведеніяхъ. Курсъ обученія въ школѣ слишкомъ малъ, а техническое образованіе слишкомъ широко (разумѣю подъ техническими—знанія практическія, пригодныя въ практикѣ того или иного лица), чтобы можно было рассчитывать сообщить дитяти многое въ школѣ и придать этимъ предметамъ главное значеніе. Достаточно будетъ, если разовьется въ нихъ интересъ въ этомъ отношеніи и любовь къ книгѣ ученикъ унесетъ изъ школы, какъ драгоценное наслѣдіе. Да и то нужно сказать, можетъ ли мальчикъ лѣтъ 15-ти, а то и моложе, обладающій тѣми или иными знаніями, передѣлать строй хозяйственной жизни: безъ средствъ, лицо не авторитетное въ семьѣ онъ почти ничего не сдѣлаетъ въ смыслѣ улучшенія своего хозяйства. Да и будетъ ли онъ еще хозяиномъ; быть можетъ, онъ уйдетъ въ отхожій промыселъ, займется торговлей и т. д. Но быть нравственно порядочнымъ, чловѣкомъ глубокорелигіознымъ, честнымъ, и проч.—это значительно важнѣе, чѣмъ обладать запасомъ, хотя бы и большимъ, практическихъ знаній. Гдѣ бы ему ни пришлось быть, какой бы работой онъ ни занялся, его добрыя качества останутся съ нимъ. Въ случаѣ невзгоды, горя, несчастья, что поможетъ ему стойко перенести испытаніе? Богатыя ли знанія, или твердость нравственнаго характера чловѣка, который рассматриваетъ все совершающееся, какъ совершающееся по волѣ Божіей, а на несчастіе смотритъ, какъ на поущеніе Божіе.

Да, мы не скажемъ лишняго, если на первый планъ въ начальной школѣ выдвинемъ религіозно-нравственное воспитаніе ребенка, а затѣмъ уже обученіе и поставимъ послѣднее такъ сказать подъ контроль перваго.

Свящ. Д. Матвѣевъ.

(Продолженіе будетъ).

Приложение къ *Тобольскимъ Епархіальнымъ Вѣдомостямъ.*

ШКОЛЬНЫЙ ЛИСТОКЪ

при *Тобольскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ* 1903 г.

№ 22.

Воспитательный элементъ въ церковно-приходскихъ школахъ *).

И такъ вопросъ о цѣли дѣятельности учителя рѣшенъ въ определенномъ смыслѣ: онъ долженъ столько же учить, сколько и воспитывать и столько же воспитывать, сколько и учить. Школьное обученіе должно быть обученіемъ воспитывающимъ. Мы оставимъ въ сторонѣ, какъ уже нѣсколько рѣшенный, вопросъ о томъ, какъ и чему долженъ учить учитель своихъ учениковъ, чтобы слѣлать изъ нихъ толковыхъ, знающихъ дѣтей. Предметомъ нашей дальнѣйшей бесѣды послужить *вопросъ о воспитаніи.* — Какъ въ отношеніи обученія можно спорить и дѣйствительно спорять о томъ, чему лучше и необходимѣе обучать дѣтей, такъ и въ отношеніи воспитанія. Снять и здѣсь вы натолкнетесь на самыя противорѣчивыя мнѣнія о характерѣ воспитанія. Вы натолкнетесь на самое раннее въ педагогической литературѣ мнѣніе о воспитаніи въ духѣ общечеловѣческихъ идеаловъ, съ устраненіемъ началъ національныхъ и религіозныхъ, на мнѣніе о національномъ воспитаніи и о воспитаніи религіозномъ, при чемъ два послѣднихъ можно пожалуй слить въ одно. Мы остановимся на всѣхъ трехъ мнѣніяхъ, такъ какъ каждое изъ нихъ взаимно дополняетъ другъ друга.

Въ какомъ духѣ вести воспитаніе? Выработать-ли изъ воспитанника только человѣка въ широкомъ смыслѣ слова, чуждаго интересовъ своей родины и церкви, или, наоборотъ, человѣка—патріота, преданнаго своей вѣрѣ? Самое раннее рѣшеніе дано было въ первомъ смыслѣ. Воспитаніе національное и религіозное разсматривали какъ опасное суевѣріе, котораго всячески должно было избѣгать. Какъ и всегда при новизнѣ предмета мы не были самостоятельны въ отвѣтѣ на поставленный вопросъ. Нашими учителями оказались тѣ-же иностранцы, что и въ техническомъ образованіи. Принимая ихъ взгляды на воспитаніе, какъ на воспитаніе въ духѣ общечеловѣческихъ идеаловъ, мы забывали,

*) См. Шк. Л. № 21 за тек. г.

что тѣ, кто насъ учать, были патриотами своего отечества и только смѣшно было бы взять у нихъ и эту черту и настаивать на необходимости въ воспитаніи развивать любовь къ чужой родинѣ. Хотя, кажется, дѣло и до этого доходило.

Если воспитывать будущее поколѣніе, говорили, такъ нужно воспитывать ни на чемъ иномъ, какъ на основахъ общечеловѣческихъ, начала которыхъ общи и обязательны одинаково для всѣхъ варваровъ, эллиновъ и іудеевъ. „Быть человѣкомъ,—вотъ къ чему должно готовить воспитаніе“, писалъ въ свое время Пироговъ. Что же это за начала общечеловѣческія, начала—общія всѣмъ и каждому? Необходимо научнымъ путемъ разобрать человѣческую природу и найти въ ней неизмѣнныя, постоянныя черты, способности и силы. На нихъ то должно быть направлено все вниманіе воспитателя и ихъ то рекомендовалось тщательно развивать. Жалостливость ко всѣмъ, состраданіе, пылкость ума и проч., что находилъ въ человѣкѣ тотъ или иной авторитетный ученый, и подлежало развитію, раскрытію въ ребенкѣ. На этой то почвѣ и развилась та сантиментальная чувствительность, которая позволяла нашимъ барынькамъ, читая чувствительный французскій романъ, проливать потоки слезъ надъ несчастнымъ Полемъ или Жаномъ и одновременно съ этимъ драть свою прислугу и хлестать ее по щекамъ. Но тогда какъ, напр., Пироговъ, на ряду съ другими основами общечеловѣческими ставили и религіозныя основы, другіе думали обойтись безъ нихъ, равно и безъ національныхъ основъ. Все это рассматривалось какъ временное, мѣстное, случайное, которое должно потонуть въ общемъ, постоянномъ и вѣчномъ. „Воспитаніе, опредѣляли въ это время, есть гармоническое, равномѣрное развитіе человѣческихъ силъ, иначе—развитіе человѣческихъ силъ способами, основанными на природѣ духа, раскрывающими всякую способность духа, будящими и питающими всякій природный принципъ жизни, избѣгающими всякаго односторонняго развитія и заботливо развивающими всѣ побужденія, на которыя опираются сила и достоинство человѣка“. Воспитать, говорили, значитъ развить ребенка, т. е. усовершенствовать его человѣческую природу, сдѣлать ее способною къ высшимъ идеаламъ истины, свободы и любви. Эти общія начала расплылись въ нѣчто туманное. Все то, что было дорого намъ—наша национальность, религія предавалось поруганію и тщательно изгонялось изъ школъ. Находили, что религія и національность начала—не общечеловѣческія; хотѣли выработать изъ ребенка какого-то космополита, сантиментально любящаго всѣхъ и cadaго, а на дѣлѣ—никого, кромѣ самого себя. Оторванные отъ родной почвы гибли молодыя силы, изуродованныя, жертвы теоріи узкой и непродуманной. Эти начала печально отразились на постановкѣ школьна-

го дѣла: въ погонѣ за этимъ формальнымъ развитіемъ, развитіемъ однихъ способностей, забывали о фактическомъ матеріалѣ. Лишь бы ученикъ понималъ рассказанное или прочитанное; запоминать не надо—это старая зубрика, недостойная новаго направленія. Вслѣдствіе этого учителя часто оказывались мало знающими болтунами, которые и сами не знали толкомъ преподаваемаго предмета и понятно не могли обучить ему надлежащимъ образомъ и своихъ учениковъ. И ученикъ, и учитель довольствовались общими фразами, приблизительнымъ пониманіемъ, тщательно избѣгая фактичности и точности. Отвѣты иногда поражали своею курьезностью. Факты изъ исторіи передавали приблизительно такъ: „Ну такъ этотъ—какъ его—ну тамъ царь или предводитель одинъ разъ пошелъ къ этому—какъ ихъ—къ сосѣднему народу и побѣдилъ его..., а чрезъ нѣсколько времени его царство было разрушено однимъ воинственнымъ народомъ“.

Да, это было печальное время, время крайняго, постыднаго рабства предъ чужими теоріями, предъ чужимъ авторитетомъ. Мы отвергли тогда своихъ боговъ и стали поклоняться чужимъ, забывая, что эти, заимствованные отъ нѣмцевъ идеалы, далеко не общечеловѣческіе, а для нѣмца они прежде всего тѣсно переплетались съ его національными идеалами. Но тогда какъ нѣмцу было чѣмъ гордиться предъ нами, и онъ могъ навязывать свои идеалы намъ въ качествѣ общечеловѣческихъ идеаловъ, мы бѣдные, не культурные не могли и слова возразить противъ своихъ заграничныхъ учителей и указать на то, что и мы имѣемъ свои достоинства. Такъ, общечеловѣческіе принципы были скоро замѣнены узкими, односторонними принципами, враждебными религіи и національности. Въ этомъ мы можемъ усматривать коренную ошибку этого направленія. Конечно, общечеловѣческія начала заслуживаютъ всякаго уваженія и ничто такъ не широко по своимъ принципамъ, какъ христіанство, охватывающее всѣхъ и вся, соединяющее не только разрозненное челоѣчество въ одно, но и небо съ землею. Но нельзя представить себѣ этихъ принциповъ въ отвлеченіи, не приложенныхъ къ чему либо. Можно ли любить, напр., челоѣка вообще? Это пустая схоластика, такъ какъ любя вообще, я люблю того то, того то и т. д. Моя симпатія можетъ перескочить на дальняго голодающаго индуса, но все таки, если его я не видѣлъ, то по крайней мѣрѣ зная о немъ, объ его нуждѣ и люблю заочно. Но скажите, что же неестественнаго въ любви къ близкому мнѣ челоѣку, котораго я знаю лучше, чѣмъ другихъ; что неестественнаго въ любви къ матери, отцу, брату и проч., что неестественнаго въ любви къ тому обществу, среди котораго я вращаюсь, къ гражданамъ той страны, членомъ которой и я являюсь. Эта любовь, не оторванная отъ живого челоѣка, и есть истинная любовь и она переходитъ отъ лица къ ли-

цу, расширяя свой объемъ, такъ сказать, проходить ступени своего развитія. Она безспорно выше той туманности распылчатой чувствительности, къ которой насъ звали наши заграничные учителя. Тутъ не можетъ быть рѣчи о враждебности къ другимъ, ненависти къ нимъ. Рѣчь идетъ только о томъ, что прежде всего естественнѣе любить близкихъ, чѣмъ дальнихъ. Когда говорятъ, что на ряду съ близкими мы должны любить и дальнихъ, мы согласны, но когда во имя этой любви къ дальнимъ, насъ заставляютъ быть равнодушными и даже враждебными къ ближнимъ, это, извините, нелѣпость.

Свящ. Д. Матвѣевъ.

(Продолженіе будетъ).

Приложеніе къ *Тобольскимъ Епархіальнымъ Вѣдомостямъ.*

ШКОЛЬНЫЙ ЛИСТОКЪ

при *Тобольскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ* 1903 г.

№ 23.

Воспитательный элементъ въ церковно-приходскихъ школахъ *).

Такъ общечеловѣческіе идеалы развиваются на почвѣ національной, принимая плоть и кровь. Единство земли, единство исторіи, единство государственной власти—все это прочнѣйшими узами соединяетъ цѣлые милліоны людей въ одно, образуя единый могучій организмъ, членомъ котораго является каждый. И прямая обязанность каждого — жить жизнью организма, содѣйствовать его естественному росту и развитію. Все геніальное, высокое, благородное никогда не появлялось въ національности. Поэзія, музыка, живопись — въ лучшихъ ихъ образцахъ строго національны. Но если такъ, то и воспитаніе не должно быть воспитаніемъ какого то безразличнаго космополита: среди началъ, на которыхъ оно основывается, должны быть и начала національныя. Развить въ дѣтяхъ любовь и уваженіе къ своему родному — должно быть такою же благородною цѣлію, какъ и развитіе въ нихъ общечеловѣческихъ идеаловъ: первая цѣль дастъ опредѣленность — почву послѣдней. Было бы смѣшно говорить, что наша тысячелѣтняя исторія — сплошное недоразумѣніе, что строй нашей жизни — нелѣпъ, что если мы крайне грубы, невѣжественны, некультурны, полны суевѣрій, то потому въ насъ нечего любить. Упорнымъ тяжелымъ трудомъ слагалась исторія нашего обширнаго отечества и все оно полито кровью нашихъ доблестныхъ предковъ. На своихъ плечахъ мы вынесли тяжелые удары, направлявшіеся не разъ съ востока на Европу. Тогда какъ мы разбитые и уничтоженные подпали подъ иго татаръ, за нами, за нашимъ горемъ и несчастьемъ, какъ за стѣной, свободно работала и развивалась западная Европа. До этого мы съ нею шли нога въ ногу; съ этого времени мы отстали отъ нея, но если и отстали, то только во внѣшней культурѣ. Начала истинно-человѣческія, христіанскія не замерли въ насъ, они помогли перенести невзгоду, какъ кару Божію и

*) См. Шк. Л. № 22 за тек. г.

помогли встать снова на ноги. На страницы нашей истории занесено не мало доблестных фактов, не позволяющих нам поникнуть совсѣмъ головою. Всѣ наши реформы шли отъ нашихъ государей, а не завоевывались силою, какъ это было на Западѣ. Даже такая крупная реформа, какъ раскрѣпощеніе крестьянъ, прошла тихо и спокойно, безъ капли пролитой крови. Мы бѣдны, убоги; но мы не сидимъ паразитами на чужомъ тѣлѣ, какъ англичане въ Индіи. Если кто страдаетъ и стонетъ, такъ мы сами. Подъ высокою рукою державнаго Царя всѣ равны, и инородцы пользуются тѣми же равными съ нами правами. Наша культура мирная и прихода Блага Царя ждуть не въ одномъ мѣстѣ дальняго востока, какъ прихода добраго генія. Если же мы стоимъ на стражѣ своихъ интересовъ, то не потому, чтобы отнимать отъ кого-либо чужое, а потому, что отовсюду видны злобствующие сосѣди, готовые при удобномъ случаѣ уничтожить „сѣвернаго вождя“. Почитайте, что пишутъ за границей о насъ, какъ давно уже подѣлили нашу родину на части, а насъ смели съ лица земли. Послушайте, къ какимъ ужаснымъ мѣрамъ рекомендуется, не брезгуя, прибѣгнуть въ борьбѣ съ нами. Да, любовь къ родинѣ естественна и вполне законна. И въ ней воспитать ребенка—долгъ учителя. Пусть рано будутъ брошены въ его воспримчивую душу сѣмена истинной любви къ родинѣ, ко всему тому, что заслуживаетъ въ ней уваженія и любви. А ея недостатки пусть пробудятъ въ душѣ его искреннее желаніе выступить на службу ей честнымъ дѣятелемъ, вѣрнымъ ея сыномъ. — Пусть дитя рано научится любить свой родной языкъ и воспитается на образцахъ нашей родной литературы. Изучая языкъ, ребенокъ не условнымъ знакамъ учится, но пьетъ духовную жизнь и силу изъ родной груди родного слова. Оно объясняетъ ему природу, знакомитъ съ характеромъ окружающихъ людей, съ обществомъ, съ его исторіей и его стремленіями, вводитъ его въ народныя вѣрованія, въ народную поэзію. Все, что видѣли, что передумали, переживали безчисленныя поколѣнія нашихъ предковъ легко и безъ труда передается ребенку, изучающему родной языкъ. Изучая русскую исторію, пусть учитель съ особенною любовью остановится на героѣ великомъ своею скромностью, простотою, трудолюбіемъ, незлобіемъ и проч. Пусть онъ укажетъ ребенку на отличительныя черты его народа, заслуживающія ему уваженіе иностранцевъ—его кротость и снисходительность къ преступникамъ, которыхъ онъ не иначе называетъ, какъ несчастными,—его уживчивость, терпѣливость и терпимость въ отношеніи къ чужому, его глубокую религіозность и др. черты. Опасайтесь только одного—развить въ ребенкѣ національную кичливость, презрительное отношеніе къ чужому для насъ. Эта гаденькая черта, съ которою такъ носятся

всюду англичане, совершенно не свойственна дѣтскому возрасту, не-
свойственна русскому и притомъ еще христіанину.

Такъ вполнѣ естественно мы подошли къ самому главному эле-
менту въ воспитаніи—*религіозному*. Мы его называемъ главнымъ, такъ
какъ безъ него не мыслимо правильное воспитаніе ни гуманитарное,
общечеловѣческое, ни національное. Но и это положеніе, какъ и пре-
дыдущее, оспариваютъ и даже еще пожалуй съ большимъ ожесточеніемъ.
Не за горами то печальное время у насъ, когда священника рассматри-
вали какъ главнаго виновника суевѣрій и невѣжества народнаго и
всячески старались вырвать изъ рукъ его народное обученіе. Борьба
противъ лицъ была борьбою противъ того, носителями чего всегда бы-
ло духовенство,—противъ религіи. Мы пережили эти печальные годы
и съ парскаго престола слышимъ призывъ въ дѣлѣ воспитанія къ тому,
за что всегда боролось духовенство,—къ воспитанію юношества въ ду-
хѣ вѣры и нравственности. Кому неизвѣстна ожесточенная борьба
французскаго министерства Комба противъ духовныхъ конгрегацій, въ
въ частности противъ школъ, находящихся подъ прямымъ веденіемъ
католическаго духовенства; кто не слышалъ объ изгнаніи изъ курса
предметовъ начальныхъ школъ во Франціи Закона Божія. И у насъ
все еще не успокоились и продолжаетъ идти молчаливая борьба про-
тивъ церковно-приходскихъ школъ, ихъ духа и направленія.

Обиднѣе всего въ этой борьбѣ противъ религіи то, что съ хри-
стіанствомъ поступаютъ какъ съ ненужною, уже использованной вещью,
забывая, чѣмъ до сихъ поръ обязана вся человѣческая культура и ци-
вилизация христіанству. Берутъ одну только сторону въ немъ—обра-
дovou и кричатъ о суевѣріяхъ, о томъ, что христіанство отжило свой
вѣкъ, не нужно никому. А то, что если есть что либо хорошаго въ
строѣ современной жизни—любовь, состраданіе, благотворительность,
мягкость нравовъ, гуманность законовъ и проч —все это дѣло христіан-
ства и на немъ оно стоитъ—это забываютъ. Вслушайтесь въ голоса
противниковъ христіанства и въ сомнѣ ихъ вы отчетливо услышите
призывъ къ взаимной истребительной борьбѣ: человекъ для человека
волкъ, всѣ противъ одного и одинъ противъ всѣхъ, борьба за суще-
ствованіе—вотъ девизъ многихъ представителей современной невѣрующей
интеллигенціи. Пытаются отнять насущный хлѣбъ у людей и бро-
сить имъ взамѣнъ кусокъ дерева или обглоданную кость. Я не намѣ-
ренъ писать апологію христіанства, но я хотѣлъ бы указать на
выдающееся, чѣмъ обязано человечество христіанству, чтобы вы, какъ
воспитатели дѣтей въ духѣ не только нравственности, но и религіи,
или вѣрнѣе, въ духѣ христіанской нравственности, сознательно дѣла-
ли это дѣло.

Всему человечеству христіанская религія дала высшее понятіе о

единомъ и троичномъ въ лицахъ Богъ, Богъ, какъ существъ не только разумномъ и правосудномъ, но что важнѣе, какъ существъ благостномъ, любвеобильномъ. Она подняла значеніе человѣческой личности, какъ имѣющей абсолютную цѣнность, какъ сына Отца Небеснаго, равнаго всѣмъ, обладающаго свободной волей и божественною благодатію. Она указала ему высшую цѣль его дѣятельности—безконечное нравственное совершенствованіе, богоподобіе и богопознаніе. Въ отношеніи къ нашей родинѣ православіе было тою внутреннею силой, которая крѣпче всего спланивала на первыхъ порахъ слабый организмъ Кіевской и Московской Руси, способствовала строенію и росту государства. Московскіе святители столько же были работниками на нивѣ Христовой, сколько и на родной отечественной нивѣ. Не разъ спасеніе шло отъ православія, какъ это съ особенною разительностію сказалося въ 1612 году, въ „лихолѣтьѣ“. Наши монастыри были центрами просвѣщенія и благотворительности, наши церкви—центрами, вокругъ которыхъ кипѣла вся общественная жизнь прихода, того самаго прихода, который теперь замеръ, но о возстановленіи котораго теперь такъ много говорятъ и пишутъ. Такія же и не меньшія услуги православіе оказало и нашему обществу и семьѣ. Общественныя начала, равно и семейныя, постепенно проникаются христіанскими началами. Правосудіе и милость въ судахъ, честность въ исполненіи общественнаго долга, безкорыстное служеніе ближнему, самоотверженіе, смягченіе семейныхъ нравовъ, правильное и здоровое отношеніе между членами семьи—все это и многое другое своими корнями уходитъ въ религію, откуда и почерпаетъ свои силы. Въ дѣлѣ школьномъ, въ дѣлѣ воспитанія, христіанство также совершило коренной переворотъ, давши своимъ вѣро-и нраво-ученіемъ прочныя начала и этому дѣлу. Отнимите ихъ, и дѣло падеть, принизится, измелъчается.

Сущность и значеніе этого переворота станетъ вамъ ясна, если вы сравните основы воспитанія дохристіанскія съ основами христіанскими. Воспитаніе у древнихъ преслѣдовало интересы частныя, узкіе—интересы только семьи у китайцевъ, интересы своего одного сословія у индусовъ, интересы военнаго сословія—у спартанцевъ, развитіе главнымъ образомъ тѣла, тѣлеснаго здоровья и красоты—у грековъ и т. д., при чемъ человѣкъ разсматривался не какъ нѣчто самостоятельное, какъ цѣль, а какъ средство служенія тому или иному дѣлу, помимо него не имѣющее смысла (слабый хилый старикъ, слабое новорожденное дитя подвергались истребленію у спартанцевъ; уродливость формъ человѣческаго тѣла была причиной презрительнаго отношенія у грековъ вообще къ человѣку, имѣвшему несчастье родиться таковымъ, родившійся въ кастѣ воиновъ, или земледѣльцевъ у индусовъ только и имѣлъ значенія какъ воинъ или земледѣлецъ и внѣ этого не могъ

быть разсматриваемъ). Своимъ ученіемъ о цѣнности человѣческой личности, о равенствѣ всѣхъ предъ Отцомъ Небеснымъ, о промыслѣ Божіемъ въ отношеніи всѣхъ, о милостивомъ, любвеобильномъ отношеніи Бога къ грѣшникамъ, принимающаго съ распростертыми объятіями возвратившагося блуднаго сына, о высокой, небесной цѣли земного существованія человѣка, какъ призваннаго сораздѣлить славу Вѣчнаго Бога, Христосъ произвелъ полнѣйшій переворотъ въ дѣлѣ воспитанія. Земными интересами жизнь человѣка не исчерпывается: она—подготовленіе къ будущей блаженной жизни. Всѣ съ одинаковымъ правомъ могутъ стремиться къ осуществленію этой цѣли безъ взаимной борьбы, каковая вполне естественна при преслѣдованіи какой либо мелкой, земной цѣли. Всѣ частныя цѣли, вполне законныя въ человѣкѣ, какъ членѣ семьи, общества, государства, не устраниаясь, получаютъ свое высшее значеніе и христіанское освѣщеніе: ими не исчерпывается назначеніе человѣка; его главная цѣль—умственное и нравственное усовершенствованіе до степени богоподобія. Проникшись этими началами высшими, укрѣпивши свой умъ, свою волю на христіанскихъ началахъ, человѣкъ внесетъ эти начала всюду, гдѣ бы и какъ бы ему ни приходилось дѣйствовать, работать. Такъ умственное и нравственное развитіе въ духѣ христіанства получаетъ главное и необходимѣйшее значеніе, какъ истинно-человѣческое, совершеннѣйшее.

Свящ. Д. Матвѣевъ.

(Продолженіе будетъ).

Воспитательный элементъ въ церковно-приходскихъ школахъ *).

Возражаютъ, что въ духѣ религіи воспитанія вести нельзя, такъ какъ въ основѣ религіи лежатъ нецонятные дѣтскому уму догматы, которые необходимо принять безсознательно и на этихъ безсознательныхъ началахъ строить сознательное разумное дѣло. Начала христіанской религіи, противъ которыхъ такъ яро боролись и борются, — богооткровенные догматы при всей ихъ недоступности уму человѣка все таки остаются неизмѣнными и единственными основами истиннаго хри-

*) См. Шк. Л. № 23 за тек. г.

стіанскаго воспитанія. То, что они недоступны уму человѣва, ничего не говоритъ противъ нихъ. Сознаемъ-ли мы все то, что въ насъ самихъ происходитъ, понимаемъ ли мы самый простѣйшій фактъ—напр. поднятіе руки силою воли, ясенъ ли для насъ этотъ, такъ называемый, психофизиологическій процессъ, и однако это непониманіе не мѣшаетъ намъ постоянно прибѣгать къ тѣмъ или инымъ движеніямъ, дѣйствіямъ. Вы слышали конечно то, что весь матеріальный міръ—одушевленный и неодушевленный состоитъ въ своей основѣ изъ безчисленнаго множества, такъ называемыхъ, атомовъ, т. е. мельчайшихъ матеріальныхъ частицъ, которыя уже не могутъ быть далѣе раздроблены. Эта теорія атомистическая теперь принята почти всѣми учеными естественниками. Но видѣлъ ли кто эти атомы, ощущалъ ли ихъ, знаетъ ли ихъ свойства и т. д. И тѣмъ не менѣе эту неосязаемую, невидимую, таинственную матеріальную частичку кладутъ въ основу матеріальнаго міра. Ее вѣдь принимаютъ на вѣру, потому что безъ нея рухнетъ все зданіе міровѣдѣнія; все то, что создано и открыто наукою, вынуждаетъ признать ее, какъ основу всего сущаго. Что-же страннаго въ томъ, что религія свои основы строить такъ же на вѣрѣ, если она такъ же, какъ и наука, вынуждаетъ ихъ принять, что такъ же, съ ихъ отверженіемъ падаетъ вся христіанская система, захватывающая собою всѣ душевныя явленія человѣческой жизни, всѣ взаимоотношенія. Отнимите догматъ о разумной волѣ Божіей, какъ верховномъ законѣ всего сущаго и какимъ несчастнымъ, какимъ жалкимъ окажется все человѣчество. Если въ силу непонятныхъ причинъ, благодаря нелѣпой случайности, вызванъ міръ изъ небытія къ бытію, то также нелѣпо и случайно погибнетъ онъ, безцѣльно просуществовавъ въ теченіе цѣлыхъ тысячулѣтій. Поставьте вмѣсто высочайшей цѣли нравственнаго богоуподобленія вмѣстѣ съ загробною жизнью, какъ дѣйствительнымъ нашимъ отечествомъ, другой идеаль, и человѣческая жизнь потеряетъ свой смыслъ, почти не будетъ отличаться отъ жизни животнаго. Если тамъ, за гробомъ, мракъ и пустота, если со смертію все кончается, то здѣсь во время земной жизни надо устроиться наилучшимъ образомъ. „Въ гробѣ смертный спи спокойно, жизнью пользуйся живущій!“—скажутъ намъ тогда. Все дозволено, всѣ средства одинаково пригодны и допустимы для достиженія одной съ этой точки зрѣнія разумной цѣли—полученія наибольшей суммы удовольствій. Зачѣмъ тогда говорить о нравственности, самоотверженіи, любви и проч. Все это пустая сентиментальность, совсѣмъ непригодная въ жизни, гдѣ всѣ для тебя враги и ты врагъ для всѣхъ. Но каждый изъ васъ согласится, что такой строй жизни—поворотъ назадъ, къ тому періоду человѣческой исторіи, когда дикарь подбарауливалъ своего сосѣда и съ спокойною совѣстью не только убивалъ его, но и питался его мясомъ. Ваше нравственное

чувство возмущается и требует иного строя жизни. Этот иной разумный строй жизни только тогда и возможен, когда въ основу его мы положимъ такъ упорно отвергаемые большинствомъ высочайшіе догматы христіанской религіи.

Да, только на этой основѣ можетъ быть построено правильное нравственное воспитаніе ребенка. Повторяемъ, что этимъ другія цѣли въ дѣлѣ воспитанія не исключаются, но освящаются, одухотворяются. Начало національное безъ христіанской религіи ясно могло бы перейти въ національную кичливость, человѣконенавистничество; но христіанство парализуетъ этотъ переходъ, указывая на то, что нашимъ ближнимъ является каждый человѣкъ; общечеловѣческія начала—развитіе всѣхъ силъ и способностей человѣка, ихъ всестороннее раскрытіе получаютъ свой высшій смыслъ въ христіанствѣ, являясь соподчиненными одной высшей цѣли—нравственному совершенствованію.

Нѣтъ, не отнимайте у ребенка того, что составляетъ его душу, не опустошайте его дѣтской природы нерадивымъ или невнимательнымъ отношеніемъ къ этому важному и святому дѣлу религіозно-нравственнаго воспитанія. Пусть онъ съ ранняго возраста научится бояться сыновнимъ страхомъ и любить Бога. Для его неразвитой, дѣтской природы, которая еще самостоятельно въ силу высшихъ сознательныхъ мотивовъ не можетъ дѣйствовать, необходимъ этотъ мотивъ—страхъ Божій, представленіе о Богѣ, какъ существѣ правосудномъ, знающемъ всѣ тайныя и явныя дѣла его и воздающемъ по заслугамъ каждому. На высшей степеніи нравственнаго совершенствованія, когда человѣкъ научится дѣлать дѣло Божіе не за страхъ, а за совѣсть, этотъ поводъ къ дѣланію само собою ослабнетъ; но для неустойчивой, неуравновѣшенной дѣтской природы его необходимо выдвинуть на первый планъ. Параллельно этому должно быть раскрыто ребенку и представленіе о Богѣ, какъ о Милосердомъ, Любвеобильномъ, принимающемъ cadaго принесшаго искреннее покаяніе. Научите его разсматривать себя, какъ дитя Божіе, которое по своимъ чертамъ, качествамъ должно быть достойно своего высокаго Отца. Выработывайте въ немъ добрые навыки дѣлать всякое дѣло, а тѣмъ болѣе Божіе безъ небреженія. Пусть приучится онъ разсматривать церковь какъ домъ Божій, а молитву—какъ путь общенія съ Отцомъ Небеснымъ. При всякихъ случаяхъ и разнообразными способами научите его любить и дѣлать добро ближнимъ, быть честнымъ и правдивымъ. Пусть предъ его духовнымъ взоромъ всегда стоитъ какъ образецъ высочайшей нравственной красоты—Богочеловѣкъ Христосъ Іисусъ.

Съ такими то добрыми задатками въ душѣ, съ сѣменами истинной вѣры и нравственности онъ войдетъ въ жизнь и окажется болѣе подготовленнымъ къ борьбѣ съ житейскими невзгодами, болѣе стой-

кимъ въ добръ, болѣе честнымъ при исполненіи общественныхъ обязанностей. Подведемъ итоги всему вышесказанному. — Необходимо сознательно, осмысленно отнестись къ своему дѣлу: это важно во многихъ отношеніяхъ. Рѣшая вопросы о томъ, что же является главною цѣлью дѣятельности учителя, мы находимъ, что его дѣло 1) научить дѣтей, т. е. сообщить ему нужныя и полезныя въ разныхъ отношеніяхъ знанія, и 2) воспитать его, т. е. развить всѣ силы и способности его на основахъ не только общечеловѣческихъ, національныхъ, но главнымъ образомъ на основахъ религіозно-нравственныхъ, чтобы изъ каждаго изъ нихъ выработался въ послѣдствіи добрый семьянинъ, вѣрный сынъ отечества и преданный слуга Церкви.

Слѣдующія наши бесѣды мы посвятимъ разсмотрѣнію вопросовъ о томъ, какъ достигнуть этой цѣли, при посредствѣ какихъ приѣмовъ она можетъ быть достигнута болѣе легко и скоро, и при томъ безъ повторенія ошибокъ, не разъ уже допускавшихся въ дѣлѣ воспитанія дѣтей. Мы постараемся познакомить Васъ съ характеромъ тѣхъ, надъ кѣмъ вамъ приходится работать и на этой чисто психологической основѣ будемъ строить дѣло воспитанія ихъ.

Свящ. Д. Матвѣевъ.